

Сун Юй чувствовал одновременно злость и бессилие. С тех пор, как Сяо Цянь ушел из жизни, он все чаще замечал, что Гуань Яо становится все больше похож на Сяо Цяня.

Особенно это проявлялось в том, как Гуань Яо старался взять на себя все заботы, стремясь защитить каждого, что вызывало у Сун Юя смесь боли и умиления.

Иногда Сун Юй думал, что хотя Сяо Цянь и ушел, он никогда не покидал их окончательно, ведь Гуань Яо словно жил вместо него.

Но когда же Гуань Яо начнет жить для себя?

Сун Юй задумался. Возможно, только когда он сам сможет стать надежной опорой для других, Гуань Яо наконец сможет жить для себя.

— Даже так, второй брат, твой поход все равно рискован. Лучше позволь мне отправиться с тобой, — Сун Юй схватил Гуань Яо за руку.

— Границы еще не полностью урегулированы, и если мы оба уйдем, в лагере не останется никого, кто мог бы держать оборону. Если кто-то нападет, как мы сможем защитить лагерь без тебя?

— В лагере много достойных воинов. Чего нам бояться?

— Лагерь не может оставаться без лидера. Многие из лучших уже отправились за пределы гор, и теперь лагерь ослаблен. Если кто-то действительно нападет, что будет с женщинами, стариками и детьми? Что будет с Линьэр и женой брата?

Сун Юй заколебался:

— Но Цзинъюнь...

— Я заранее позабочусь о Цзинъюне. Когда придет время, я приведу его к тебе, хорошо? — Гуань Яо лукаво улыбнулся.

— Если он не согласится с тобой... — Сун Юй почувствовал, будто Гуань Яо уже знает о том, что произошло.

Гуань Яо вздохнул:

— Когда Цзинъюнь когда-либо шел против нас? Возможно, он тоже хочет поскорее вернуться и доложить тебе. Успокойся, хорошо охраняй лагерь, и Цзинъюнь скоро вернется.

Эти слова успокоили Сун Юя, хотя они звучали так, будто он ждет возвращения своего мужа.

— В официальных кругах много интриг, второй брат, будь осторожен. Если возможно, лучше поскорее завершить все дела.

— Я понимаю. Действительно, пора заканчивать.

Сун Юй больше не стал говорить. Некоторые слова были бесполезны. То, что делал Гуань Яо, выходило далеко за пределы его понимания, но он не мог ни остановить, ни изменить это.

После их возвращения они выпили несколько чашек вина в Покоях Цинъюань, а ближе к закату Гуань Яо тихо и незаметно спустился с гор.

Как только он ушел, в сердце Сун Юя разлилась тоска. Большую часть своей жизни он провел в ожидании и принятии этого ожидания. Долгота и пустота этого процесса не раз заставляли его желать, чтобы ночь длилась дольше, чтобы в сновидениях он не чувствовал себя столь беспомощным.

Сун Юй сидел во внутреннем дворе до темноты, когда вернулся Юэ Чжунсин с чем-то в руках и, увидев его, крикнул:

— Дядя Сун, я вернулся.

— Мм, — Сун Юй даже не поднял глаз.

— Почему ты так подавлен? — Юэ Чжунсин сел напротив Сун Юя. — Что-то случилось?

— Через несколько дней ты переедешь в Восточный лагерь, — Сун Юй поднял голову, его голос был строгим.

Юэ Чжунсин тут же вскочил на ноги и громко ответил:

— Почему?

— В Восточном лагере освобожден бамбуковый дом. Я уже распорядился, чтобы его привели в порядок. Ты можешь переехать туда в ближайшие дни, — Сун Юй смотрел прямо на него, его слова звучали как приказ.

— Почему ты вдруг хочешь, чтобы я ушел? — Юэ Чжунсин стиснул зубы, его голос был твердым.

Сун Юй бесстрастно посмотрел на него:

— Это решение.

— Почему такое решение? Я уже привык здесь жить.

— Мне это неудобно.

Юэ Чжунсин не ожидал, что Сун Юй ответит так прямо, почти безжалостно:

— Впереди еще столько дней, и все неудобства можно постепенно преодолеть. Кроме того, я... я могу быть тебе полезен здесь.

— Ты не нужен.

— Я не уйду! — Юэ Чжунсин больше не стал спорить.

Сун Юй сжал кулак, желая ударить по столу, но сдержался:

— Решение принято.

— Дядя Сун, ты... — Юэ Чжунсин опустился на колени перед Сун Юем и посмотрел на него снизу вверх. — Дядя Сун, пожалуйста, не прогоняй меня.

— Переезжай как можно скорее. Не обсуждай это больше, — Сун Юй поднялся и направился к своей комнате.

В голове Юэ Чжунсина мелькнула мысль. Он сделал большой шаг вперед и схватил Сун Юя за запястье. Сун Юй с удивлением посмотрел на него.

— Дядя Сун, кто-то возвращается?

Эти слова сразу же задели Сун Юя за живое.

Да, его Цзинъюнь возвращается.

— Да, — Сун Юй прямо ответил, высвобождая свою руку. — Но это не имеет к тебе отношения.

— Разве он не твой племянник? Не твой ученик? Дядя Сун? — Юэ Чжунсин говорил спокойно, но сдерживаемой яростью.

Сун Юй почувствовал, будто его секрет раскрыт. Он тоже разозлился, но сохранил холодное выражение лица:

— Что ты имеешь в виду?

— Разве Сяо Цзинъюнь не твой племянник? — Юэ Чжунсин, словно сорвавшийся с цепи, продолжал:

— Дядя Сун, о чем ты думаешь?

— О чем ты вообще думаешь! — Сун Юй не смог сдержать гнева, услышав имя Сяо Кана.

Юэ Чжунсин, словно вырвавшийся из-под контроля, сказал:

— Я просто напоминаю тебе, дядя Сун.

— Уезжай с рассветом.

Лицо Юэ Чжунсина исказилось:

— Дядя Сун, ты думаешь, что я занял чужое место?

— Хватит.

— Дядя Сун, тебе не стыдно? Ты не чувствуешь вины перед госпожой Ли? Сяо Цзинъюнь — твой племянник. — Юэ Чжунсин схватил Сун Юя за воротник и прошептал.

Сун Юй ударил его ладонью в грудь:

— Ты слишком много думаешь.

— Я слишком много думаю? — Юэ Чжунсин, почувствовав боль от удара, усмехнулся. — Дядя Сун, ты тоже умеешь лгать?

Сун Юй почувствовал, будто его ударили по голове. Он, конечно, знал, кем был Сяо Кань для него, и знал, что это был секрет, который нельзя было раскрывать.

Он всегда боялся, что запутанные отношения дяди и племянника будут раскрыты, боялся, что его покойный брат будет гневаться на него, боялся, что госпожа Ли будет упрекать его, боялся, что сплетни мира обрушатся на Сяо Кана.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. В любом случае, я повторяю: завтра ты переезжаешь, — Сун Юй все еще говорил уверенно, но в глубине души чувствовал себя неуверенно.

Юэ Чжунсин неожиданно рассмеялся и, указывая на западный флигель, сказал:

— В этом мире, какой дядя будет жить день и ночь в комнате своего племянника?

— ! — Сердце Сун Юя дрогнуло. Он не знал, было ли это из-за раскрытия секрета или из-за сплетен, с которыми им придется столкнуться.

— Дядя Сун, тебе не стыдно?

Эти слова словно ножом прошлись по лицу Сун Юя, оставив жгучую боль.

— Мне интересно, знает ли об этом Сяо Цзинъюнь? Знают ли госпожа Ли и второй глава? — Юэ Чжунсин пожал плечами. — Используя такое положение, чтобы восхищаться своим племянником, дядя Сун, чего ты добиваешься?

— Хочешь стать его супругом? — Юэ Чжунсин намеренно повысил голос, выделяя слово «супруг».

Сун Юй на мгновение потерял дар речи. Их запутанные отношения с Сяо Канем еще не были определены, и даже без напоминаний Юэ Чжунсина он знал, что ему не следовало связываться со своим племянником.

— Лучше поменьше болтай, — Сун Юй с трудом сдерживал себя. — У меня есть причины, по которым я хочу, чтобы ты переехал.

— Если бы в сердце дяди Суна не было кого-то, разве он бы боялся, что в этом дворе поселится еще один человек?

Сун Юй стиснул зубы и с презрением сказал:

— О? Тогда я хотел бы знать, что дает тебе право жить здесь? Разве я не управляю этим огромным лагерем?

— Да, ты спас мне жизнь, дядя Сун, и мне действительно не следовало противиться твоей воле. — Юэ Чжунсин дрожал от гнева. — Но я просто не хочу, чтобы дядя Сун питал неподобающие чувства!

В ту ночь Сун Юй лежал на кровати Сяо Кана, ворочаясь и не находя сна.

Слова Юэ Чжунсина были не лишены смысла. Сяо Кань был еще молод и не понимал, но разве он сам не понимал?

Прошло уже более двух лет, и как он мог быть уверен, что чувства Сяо Кана остались прежними?

Если Сяо Кань останется таким же, что он будет делать? Смириться? Разве это правильно?

Если бы он мог быть таким же свободным, как Гуань Яо.

На следующее утро Сун Юй, уставший, вышел из комнаты и тут же увидел Юэ Чжунсина, стоящего у двери.

— Дядя Сун, — у Юэ Чжунсина были темные круги под глазами, а глаза были покрыты тонкими красными прожилками. — Мне нужно поговорить с тобой.

Слова прошлой ночи все еще звучали в ушах Сун Юя, и он молча смотрел на собеседника.

— Вчера я говорил резко. Мне не следовало так говорить о тебе и брате Сяо. Я просто... — Юэ Чжунсин выглядел изможденным, его голос был усталым. — Я просто хотел предупредить тебя.

— Закончил?

— Еще кое-что. — Юэ Чжунсин прикусил губу. — Я перееду сегодня.

Сун Юй слегка приподнял бровь и коротко ответил:

— Хорошо.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16311/1471738>